

В тот самый миг Сяо Хайян как будто разделился на три части, и одна из них не могла поверить собственным ушам, задаваясь вопросом: «что несет этот старый маразматик?»

Вторая часть управляла руками: он пытался снять с шеи Фэй Ду металлическое кольцо. Увы, несмотря на свою феноменальную память, в механизмах и мелких устройствах полицейский Сяо не смыслил ровным счетом ничего. А услышав от той женщины о какой-то «бомбе», он и вовсе растерялся, не зная, с чего начать. От напряжения все его тело онемело.

Остатки его сознания были сосредоточены на спине в ожидании пули, которая в любой момент могла пронзить его тело. Пускай у Сяо Хайяна была не самая лучшая жизнь, но раньше на него никогда не направляли оружие. Он чувствовал себя смертником под гильотиной: приговор еще не был приведен в исполнение, а он уже представлял, как умрет.

Закованный в кандалы смертник замирает под лезвием гильотины.

Сяо Хайян не понимал, что с ним происходит. Он был растерян и до ужаса напуган, но не мог объяснить себе, почему не убежал.

И все же он не увернулся.

Внезапно позади него раздался выстрел, и Сяо Хайян оцепенел. В его голове промелькнула мысль: «Сейчас умру».

Но ощущение «сейчас умру» длилось всего мгновение. Он не успел оглянуться на свою короткую жизнь и совсем не испытал той глубокой, тягучей печали, что описывали в книгах. В голове у него царил беспорядок, все смешалось в одно огромное, бескрайнее море, и он не знал, за что уцепиться. Мысли вздымались и исчезали, словно волны, но самая отчетливая среди них была: «Как же открыть это кольцо?»

В следующий миг кто-то оттолкнул Сяо Хайяна. Все еще оцепеневший от ужаса, он неловко повалился в сторону, и только тогда осознал, что жуткой боли, которую он уже успел вообразить, не последовало. Только в кармане появилась дыра...

В тот момент, когда Фань Сьюань выстрелил, его пнул ворвавшийся Ло Вэньчжоу. Пуля ушла в сторону, слегка зацепив край одежды Сяо Хайяна, и попала в телефон Лан Цяо. Телефон с разбитым экраном тут же пал смертью храбрых и больше не подлежал восстановлению. В то же время хрупкие кости неизлечимо больного не выдержали удара – рука Фань Сьюаня с треском сломалась. Подоспевшая Лан Цяо проворно надела на него наручники.

Едва узнав об исчезновении Фэй Ду, Ло Вэньчжоу все время находился в состоянии сильнейшего стресса. Он безжалостно отринул все свои чувства и желания, как будто скинув их с себя на землю. Его тело уже не принадлежало ему: оно словно унеслось за десять тысяч ли(1).

Одним отточенным движением он выбил пистолет из рук Фань Сьюаня и оттащил Сяо Хайяна в сторону. Опустившись на колени, он даже не взглянул на Фэй Ду, полностью отгородившись от всего, что только что увидел и услышал... он просто вытеснил лишнее за грань сознания. Все его внимание сузилось до тонкой линии: он быстро окинул взглядом конструкцию металлического кольца и уверенно ощупал заднюю часть шеи Фэй Ду.

В то же время он все еще мог четко раздавать приказы:

— Вызовите взрывотехника.

Металлическое кольцо со щелчком открылось.

Стремительный поток воздуха ворвался в израненное горло Фэй Ду, резко вырвав его из полузабытья. Он судорожно закашлялся, и смертоносное кольцо наконец выскользнуло из его рук. Ло Вэньчжоу тут же крепко обнял его, и только тогда заметил окровавленную штанину и раны на теле, острыми иглами кольнувшие его взгляд. Все звуки, гнев, тревога и страх, от которых он до этого отгородился, нахлынули, словно прорвавшаяся плотина, и захлестнули его с головой.

Тело Ло Вэньчжоу обмякло, он едва мог удержать Фэй Ду в объятьях.

Коллеги, которых он только что оставил позади, тотчас же подбежали к нему.

— Капитан Ло, положите его!

— Уложите его горизонтально! Ровнее, дайте ему дышать!

— Осторожнее...сюда, помогите!

На руках Ло Вэньчжоу осталась кровь Фэй Ду. Он смутно осознавал, что медики ворвались, не дожидаясь, пока расчистят место происшествия, но беспрекословно следовал их указаниям.

Фэй Ду казался деревом бонсай, не тронутым ни ветром, ни злыми морозами(2).

Он был совсем неприхотлив: в повседневной жизни он не ел всего две вещи - «то» и «это». Его мастерство флирта достигло международного уровня, а сам он вполне мог стать профессором в области «наслаждения и утех».

Такой же безупречный и хрупкий, как стекло.

«Удушение - это медленный и приятный способ убийства».

«Можете ли вы... позволить мне притвориться, что я снова встретил свою маму?»

«Меня удерживает не причина ее смерти».

«В мире сотни тысяч высотных зданий. Почему же она выбрала именно это?»

«У меня нет никаких... травм»

Холодный сырой подвал; воспоминания, хранящие бесконечные тайны; непроизвольные приступы удушья и кашля при каждом их упоминании. Песня на бесконечном повторе...

Разрозненные признаки, связанные обрывками фраз Фань Сьюаня, внезапно сложились в пугающе ясную картину, и невыносимая правда обрушилась на Ло Вэньчжоу, оставив внутри него звенящую пустоту.

Он вспомнил тот летний день, подростка, сидевшего спиной к одинокой вилле, как будто чуждого этому миру. Вспомнил те ясные, упрямые глаза, в которых, казалось, скрывались бесчисленные тайны.

Ему хотелось шагнуть сквозь время и пространство, перенестись в прошлое на семь лет назад и крепко обнять того молчаливого мальчишку. Бережно укрыть ладонями раны, которые он так тщательно скрывал, и сказать: «прости, я пришел слишком поздно».

«Я пришел слишком поздно...»

Только когда Фэй Ду погрузили в машину скорой помощи, он немного пришел в сознание. Его рассеянный взгляд надолго задержался на лице Ло Вэньчжоу. Похоже, он узнал его и даже слегка улыбнулся.

Ло Вэньчжоу с трудом прочел его беззвучные слова по губам.

— Больше никого... Все чудовища уничтожены. Остался только я. Можешь, запереть меня у себя дома? — прошептал он.

Три поколения - история, начавшаяся с грязных денег и похоти, породила ненависть, которая с годами лишь зрела и разрасталась, словно опухоль... И вот теперь, наконец, все закончилось.

Ло Вэньчжоу больше не мог этого выносить.

Похоже, все Фэй на самом деле были прирожденными садистами. Даже на последнем издыхании Фэй Ду придумал для Ло Вэньчжоу самую изощренную пытку в его жизни, только

чтобы еще немного помучить.

— Эй, Очкарик, ты в порядке? — Лан Цяо смахнула холодный пот со лба и помогла Сяо Хайяну подняться. Ее куртка куда-то подевалась, а некогда модный свитер, похоже, пережил катастрофу и превратился в прикид городской бродяжки. Если бы она умылась, то вполне могла бы отправиться в таком виде на Неделю моды – сниматься для уличной фотосессии в стиле «самые эпатажные образы».

Сяо Хайян наконец очнулся и встал. Увидев Лан Цяо, он тут же о чем-то вспомнил и сунул руку в карман:

— Сяо Цяо-цзе, твой телефон...

Сяо Хайян не успел договорить, как вдруг замер, и принялся лихорадочно шарить по карманам.

— Забудь о телефоне, — сказала Лан Цяо. — Что ты ищешь?

— Мое служебное удостоверение только что выпало, — пробормотал Сяо Хайян себе под нос. Он просунул пальцы в обгоревшую дыру в кармане и, нахмурившись, принялся озираться по сторонам.

— Потом поищем, — Лан Цяо потянула его за руку, пропуская взрывотехника. — Здесь пока небезопасно, пойдём.

— Ах! Вот же оно! — служебное удостоверение и табельное оружие Сяо Хайяна выпали вместе и лежали совсем недалеко – прямо у ног Фань Сьюаня, которого волокли под руки двое полицейских. Кожаный бумажник при падении раскрылся, и наружу показалась фотография Гу Чжао, вложенная под удостоверение Очкарика.

Сяо Хайяну не нравился посмертный черно-белый портрет Гу Чжао. С собой он носил другую фотографию – их совместный снимок, сделанный в парке, когда Гу Чжао взял его с собой погулять в выходной. Мужчина на нем выглядел моложе и спокойнее: он положил руку на голову маленькому мальчику и протягивал ему сахарную вату, смущенно улыбаясь в объектив. Он выглядел совсем не так, как на посмертном портрете.

Фань Сьюань почему-то не мог отвести взгляда от этой фотографии, лицо мужчины на ней казалось ему до боли знакомым. Даже когда полицейские тащили его прочь, он все равно неотрывно смотрел на снимок.

Сяо Хайян подошел и поднял фотографию, бережно заслонив ее от Фань Сьюаня, затем аккуратно смахнул с нее грязь.

— Чью фотографию ты там хранишь? — спросила Лан Цяо, поторапливая его.

— Это дядя Гу, — ответил Сяо Хайян.

— О! — звонким голосом отозвалась молодая женщина. — Так это полицейский Гу Чжао? Ты правда знал его? Эй, дай-ка посмотреть...

Фань Сьюань задрожал всем телом, как будто его ударило током. Он резко развернулся и попытался вырваться, чтобы добраться до Сяо Хайяна:

— Подожди!

Сопровождавший полицейский решил, что он опять выкинет какой-нибудь фокус, поэтому с силой удержал его и рявкнул:

— Ты что творишь?! Веди себя спокойно!

— Подо...подожди! Покажи мне! Вернись! Дай мне посмотреть на него...

Но Сяо Хайян бросил на него ледяной взгляд и даже не сбавил шаг.

Полицейские волокли Фань Сьюаня так, что его ноги едва касались земли. Мужчина изогнул шею под невыносимым углом, но все продолжал оглядываться назад.

Прошло четырнадцать лет. В его памяти Гу Чжао навсегда остался таким, как на той посмертной фотографии - с одним и тем же выражением лица. Стоило этому образу немного измениться, и он уже не узнал его.

Листья платанов, с тихим шорохом опадающие в кампусе Яньгунского университета; нежный, застенчивый юноша на велосипеде... Все это давно обратилось в прах, исчезло бесследно. Только сейчас он осознал, что забыл Гу Чжао. Забыл, как тот улыбался.

Спустя десятилетие, как это ни печально, в его сердце остались только Чжан Чуньлин и Чжан Чуньцзю.

Конгломерат «Чуньлай» оставил в его душе неизгладимый след, и вместе с ним он собственными руками вылепил того, кем стал сейчас.

Чжан Чуньлин молча наблюдал за тем, как уносили Фэй Ду. Затем полицейский, надевший на него наручники, принялся обыскивать его и достал из кармана телефон. Экран вспыхнул - как раз в тот момент на нем высветилось сообщение: «Время вышло. Игра окончена.

[Изображение]».

В режиме блокировки изображение было недоступно. Чжан Чуньлин занервничал и сам продиктовал пароль:

— Это пароль от экрана блокировки! Я должен его увидеть! Прошу, дайте мне взглянуть на него!

Арестовавший его полицейский запечатал телефон в прозрачный пакет для улик и, проявив великодушие, разблокировал устройство и показал Чжан Чуньлину фотографию. Обратный отсчет на снимке достиг нуля. Чжан Дунлай лежал на боку с закрытыми глазами, его белая рубашка была испачкана красным, а сам он не шевелился.

—Нет! Нет...

— Нет-нет-нет, перестань лить, оно же липкое! — в этот момент Чжан Дунлай, находившийся по другую сторону океана, вдруг резко вскочил, все еще связанный веревкой. — Красное вино вообще-то денег стоит! Нечестно! Почему вы прикалываетесь только надо мной?

Девушки вокруг него сбились в кучку и весело захихикали. Молодая красавица с овальным личиком помахала его телефоном:

— Ты проиграл! Проиграл! Чжан-дагэ, тот, кому ты отправил сообщение, не ответил! Либо тебя не воспринимают всерьез, либо раскусили. В любом случае, ты проиграл, так что не мухлой!

Весело улыбаясь, Чжан Дунлай попросил ее развязать веревки и небрежно отряхнул вино с волос. Он играл с девушками в глупую игру «Правда или действие». Когда подошла его очередь, он выбрал «действие», и все тут же велели ему изобразить похищение: сделать постановочные фото и отправить кому-нибудь из близких, интереса ради посмотреть на реакцию.

Напоенный болтливymi девицами, Чжан Дунлай едва держался на ногах и не заметил в этой игре никакого подвоха. Напротив, он с радостью согласился и в итоге попал впросак:

— Ну хватит уже! Дайте мне посмотреть, кто же такой бессердечный...

Он осекся на полуслове, увидев, кому отправлено сообщение, и тут же подскочил на месте:

— Охренеть, сестренка! Ты хоть знаешь, кому отправила те сообщения? Это ж, блин, мой отец!

Девушка, которая делала снимки на его телефон, невинно наклонила голову:

— Ты подписал в телефоне отца как «Босс»?

— Мой старик, — Чжан Дунлай икнул и небрежно ослабил промокший от вина воротник, — дома всегда был очень строгим. По-моему, я вообще ни разу не видел, чтобы он улыбался. Когда я был маленьким, он редко появлялся дома, и даже тогда разговаривал со мной и сестрой строго на расстоянии двух метров, как будто мы ему доклад делали. Помню, как-то Чжан Тин надела под школьную форму платье в цветочек, учителя даже внимания не обратили, а вот он увидел и...ох, мать моя! Из-за этой ерунды он поднял такой скандал, что даже дядя не решил вмешаться. После этого Чжан Тин больше не пыталась наряжаться. Молодая девчонка, а ходила все время как серая мышка...Зато потом мы выросли и как-то сблизилась с ним. Может быть с возрастом он подобрел.

На этих словах Чжан Дунлай осекся, заметив, что девушка, которая еще минуту назад дурачилась и плескалась вином, как-то странно смотрит на него. В ее глазах, скрытых за густым макияжем и цветными контактными линзами, внезапно мелькнула невыразимая жалость. Даже цветущая улыбка вдруг поблекла и стала натянутой.

— Что случилось? — спросил Чжан Дунлай.

— Ничего. Просто вспомнила свою жуткую школьную форму, — девушка мгновенно взяла себя в руки. — Ты еще не отработал наказание, не меняй тему. Скорее открывай вино!

Чжан Дунлай изнывал под сладкой пыткой девичьего внимания и уже не знал, плакать ему или смеяться:

— Пощадите!

Чжоу Хуайцинзнь свысока окинул взглядом толпу парней и девушек у бассейна и незаметно вышел.

Солнце уже клонилось к закату. Чжоу Хуайцинзнь услышал, как неподалеку Лу Цзя разговаривает по телефону. С лица толстяка не сходило напряженное выражение, он дважды переспросил в трубку: «Ты точно в порядке?» - и только тогда немного успокоился. Затем его голос стал мягче, и Чжоу Хуайцинзнь смутно расслышал: «Не волнуйся, мы вернемся через пару дней».

«Вернемся...» — рассеяно подумал Чжоу Хуайцинзнь. — «Куда вернемся?»

В Китае он был чужим, старое поместье Чжоу тоже не было его домом, а единственные близкие уже покинули этот мир.

Куда же теперь возвращаться?

Спустя довольно долгое время Лу Цзя тихонько подошел к Чжоу Хуайцзиню и протянул ему, неизвестно откуда добытое, мороженое. По словам Лу Цзя, у заморских чертей совсем атрофировался вкус, поэтому мороженое у них слаще, чем на родине – как раз в его вкусе. Он решил, что перед возвращением нужно наесться им вдоволь.

Чжоу Хуайцзинь никогда не разбирался, чем отличается мороженое в разных странах. Он попробовал кусочек на прохладном ветерке и невольно поежился. Двое мужчин, едва перешагнувших порог среднего возраста, сидели бок о бок на каменных ступенях позади отеля. Лу Цзя сказал:

— Всех поймали.

Чжоу Хуайцзинь повернул голову.

— Главу конгломерата «Чуньлай» – того самого, что пытался тебя устранить, и банду психов, которые убили твоего младшего брата. Поймали всех, — Лу Цзя помолчал, а затем вкратце изложил ему всю цепочку событий.

Нелепые разборки внутри семьи богачей, коварный Чжэн Кайфэн, отец и дочь Дун, которыми манипулировали... и Чжоу Хуайсинь, умерший вместо него.

Подоплека этой истории была крайне запутанной, ведь речь шла о затаенной, глубокой вражде, тянувшейся уже сорок-пятьдесят лет. Их с братом лишь случайно задело краем этого урагана ненависти. В этих событиях они сыграли крошечную, почти ничтожную роль.

Их даже массовой нельзя было назвать, скорее, просто реквизитом.

Чжоу Хуайцзинь кивнул и неспешно откусил мороженое, которое дал ему Лу Цзя. Казалось, его вкусовые рецепторы притупились – он не ощутил никакого вкуса. На мгновение он задумался, даже не заметив, что испачкал губы сливками, затем медленно опустил голову и уткнулся лицом в колени, зарыдав навзрыд.

Под звуки его рыданий заходящее солнце похоронило этот день. В Яньчэне наступил канун Нового года, и на рассвете один за другим раздавались хлопки петард. Задержавшиеся на работе полицейские-криминалисты наскоро умылись, провели короткое совещание, скорее напоминавшее боевой инструктаж, и разбежались по делам. В допросной комнате со следами вчерашнего макияжа на лице сидела Вэй Лань, пришедшая с повинной. Она обеими руками зачесала волосы назад и попросила у полицейского сигарету.

— Мое настоящее имя Вэй Лань. Я убила человека, а затем сбежала. Они предложили мне убежище и дали поддельные документы.

— Хм...да, я могу дать показания.

— Сожалею? — Вэй Лань на мгновение замерла, опустила голову и, улыбнувшись, стряхнула пепел с сигареты. Неподалеку кто-то с утра пораньше запустил целую связку петард – «земляной гром»(3) рванул так, что все припаркованные на обочине машины дружно завывали сигнализациями. Даже до допросной донесся их отдаленный треск. Вэй Лань прислушалась, на миг задумалась и, не ответив на вопрос, рассеянно пробормотала:

— Скоро ведь Новый год, да?

1. Выражение “百八十里” дословно означает «тело убежало на сто восемь тысяч ли» и используется как метафора. Оно передаёт ощущение, будто тело и разум разъединились: тело действует само по себе, как бы отрешенно, а сознание будто унеслось куда-то очень далеко. Число «сто восемь тысяч ли» – это устойчивый образ огромного расстояния, часто встречающийся в китайской литературе и речи для выражения крайности, потери контроля или сильного потрясения.

2. Здесь Фэй Ду сравнивают с бонсай, на который, словно, никогда не обрушивались ни ветер, ни мороз. Это метафора, в которой бонсай – символ изящества, хрупкости и утонченности, а «ветер и мороз» (风雪) – традиционный образ жизненных трудностей, испытаний и суровости судьбы.

Таким образом, фраза характеризует Фэй Ду как утонченного, аккуратно "вылепленного" человека. Внешне кажется, что его не тронули никакие жизненные невзгоды, даже если за этим стоит огромная внутренняя стойкость или тщательно скрываемые раны.

3. 大地红 (dàdì hóng) – это вид китайских петард: длинная связка, которую раскладывают на земле. При поджоге она взрывается серией оглушительных хлопков. Название буквально переводится как "алое земное (пламя)", но в разговорной речи часто называют "земляной гром" или "красный земной гром".

Это не фейерверк в небе, а именно грохоткая пиротехника на земле, традиционная для праздников, особенно китайского Нового года – считается, что она отпугивает злых духов.

<http://bllate.org/book/12932/1135264>